

Владимир Обручев
«Плутония»
«Земля Санникова»

Алексей Толстой
«Аэлита»
«Гиперболоид инженера Гарина»

Александр Беляев
«Голова профессора Доуэля»
«Человек-амфибия»

Иван Ефремов
«Туманность Андромеды»
«Час быка»

Аркадий и Борис Стругацкие
«Страна Багровых туч»
«Стажеры»

Кир Булычев
«Последняя война»
«Поселок»

Алексей
Толстой

АЭЛИТА

ГИПЕРБОЛОИД
ИНЖЕНЕРА
ГАРИНА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т52

Иллюстрации на шмуцтитулах *Ивана Иванова*

Толстой, Алексей Николаевич.
Т52 Аэлита ; Гиперболоид инженера Гарина : [сборник романов] / Алексей Толстой. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (Лучшая советская фантастика).

ISBN 978-5-699-95730-9

В начале двадцатых годов XX века крупнейшие радиостанции мира приняли таинственное сообщение с Красной планеты. Русский инженер Мстислав Лось и красноармеец Алексей Гусев отправляются на Марс, где обнаруживают высокоразвитую цивилизацию в период жесточайшей революционной борьбы...

Таинственное убийство на Крестовском острове в Петрограде выводит сотрудника уголовного розыска Василия Шельгу на след инженера Петра Гарина, создателя гиперболоида – аппарата, способного в считанные мгновения разрезать тепловым лучом даже бронированный корпус дредноута. Тем временем Гарин демонстрирует мощь своего изобретения американскому миллионеру Роллингу. Над миром нависает угроза невиданной диктатуры...

«Гиперболоид инженера Гарина» публикуется в авторской редакции впервые с 1933 года!

Романы Алексея Толстого по праву считаются золотой классикой советской научной фантастики!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95730-9

© Толстой А.Н., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Антон Первушин
БРЕМЯ ПАТРИАРХА

— Можно ли назвать Алексея Николаевича Толстого фантастом?

— Ни в коем случае! — воскликнет любой отечественный литературовед. — Алексей Толстой был, без сомнения, автором реалистической прозы, одним из первых советских прозаиков, «красным графом», создателем таких шедевров, как «Хождение по мукам», «Петр Первый», «Похождения Невзорова, или Ибикус», «Эмигранты», «Детство Никиты», «Гадюка» и «Рукопись, найденная под кроватью».

— Но как же быть с «Аэлитой», с «Гиперболоидом инженера Гарина», с «Союзом пяти»?

— А это не фантастика, — ответит литературовед, — это приключенческая проза в экзотических декорациях. Да и вообще писались они ради денег, а не по велению души, вызывали яростную критику со стороны современников, потом самим автором были переделаны в повести для юношества — о чем тут говорить?

И что характерно, стараются не говорить. Виктор Петелин, биограф Толстого, рассказал об «Аэлите», но забыл о «Гиперболоиде». Алексей Варламов в исследовании «Красный шут» (2005), наоборот, несколько фраз уделил «Гиперболоиду», а «Аэлиту» упомянул мельком, словно она и не заслуживает сколько-нибудь существенного внимания. Елена Толстая в книге «Ключи счастья» (2012) подробно разбирает «Аэлиту», но по поводу «Гиперболоида» сообщает только, что критик Юрий Тынянов признал роман «жёлтой фантастикой», причем «провальной». И так далее.

Получается парадоксальная ситуация: фантастические тексты Алексея Толстого пользуются огромной популярностью, активно цитируются и переиздаются, причем в по-

дарочных вариантах, по ним сняты фильмы, однако при этом они почти не изучаются, словно и впрямь писатель совершил нечто постыдное, выпустив их в свет. Хуже того, читателю сегодня доступны вовсе не те тексты, которые написал Алексей Толстой, а их поздние версии, выхолощенные в угоду юношескому восприятию, точнее — представлению о юношеском восприятии, которое когда-то, еще до войны, выработали сотрудники «Детгиза».

Нужно ли изучать фантастические тексты Алексея Николаевича Толстого? И зачем их нужно изучать? Есть несколько причин. Во-первых, только эти тексты писателя остаются востребованными в XXI веке: с историей Петра Первого и Гражданской войны предпочитают знакомиться по книгам других авторов. Во-вторых, советская фантастика, которая пока еще остается «белым пятном» для отечественного литературоведения, нуждается в своем патриархе, а опытный прозаик с хорошим слогом и несомненным художественным талантом подходит на эту роль куда лучше, чем Константин Циолковский или Александр Беляев, литературные достоинства которых оспариваются. В-третьих, фантастические тексты Толстого, несмотря на кажущуюся «вторичность» по отношению к жанровой литературе 1920-х годов, подарили отечественной культуре несколько незабываемых образов, к которым обращаются и современные авторы: инженер Лось, красноармеец Гусев, марсианка Аэлита, диктатор Гарин, капиталист Роллинг. Достаточно сказать, что Аэлита — одно из тех редких имен, которые порождены литературой, но при этом присваиваются вполне реальным младенцам. В-четвертых, образы, созданные воображением Толстого, оказали определенное влияние на научно-технический прогресс, причем в мировом масштабе: достаточно вспомнить увлеченность марсианской темой, которая побудила инженера Фридриха Цандера к созданию Группы изучения реактивного движения (ГИРД) в Москве, ставшей первой площадкой для применения сил Сергея Королева, или заявления советских физиков (например, академика Льва Арцимовича), прямо увязывающих появление идеи квантового генератора (лазера) с «ги-

перболоидом Гарина». Получается, что изучение влияния фантастики Толстого на науку позволяет выявить истоки культурных процессов, определивших облик XX века.

Понятно, что здесь у нас нет возможности обсудить всю совокупность сколько-нибудь значимых вопросов, связанных с фантастическими текстами Алексея Толстого, поэтому мы ограничимся рассмотрением фактов, которые, на мой взгляд, незаслуженно забыты.

Прежде всего нужно сказать, что граф Алексей Николаевич Толстой изначально не собирался становиться прозаиком, хотя и происходил из семьи писательницы Александры Леонтьевны Бостром (в девичестве Тургенева, в первом браке Толстая), которая обучала его основам литературного мастерства. В 1901 году он приехал в Санкт-Петербург с твердым намерением получить инженерное образование и учиться в знаменитом Технологическом институте. Однако из-за революционных событий и связанных с ним студенческих волнений в начале 1906 года институт был временно закрыт, поэтому Толстой взял отпуск и направился в Дрезден, чтобы продолжить учебу в Королевской саксонской высшей технической школе. Тот год примечателен еще и тем, что у Толстого появились первые публикации, причем начинал он как автор леворадикальных стихов. Встреча с Софьей Дымшиц (будущей второй женой) изменила планы молодого студента: он пытался стать художником, профессионально занялся поэзией. В марте 1907 года вышла его первая книга «Лирика» (написанная под очевидным влиянием Андрея Белого и Константина Бальмонта); в журналах «Луч» и «Образование» были опубликованы отдельные стихи.

В мае 1908 года, будучи в Париже, Толстой познакомился с Максимилианом Волошиным, который стал его главным учителем жизни, вплоть до того, что поменял молодому литератору имидж, отведя к парикмахеру и создав «апашскую» прическу на косой пробор, известную нам сегодня по многочисленным фотографиям Алексея Николаевича. Волошин переориентировал своего нового друга на прозу, предлагая ему различные темы для приложения творческих

сил и давая «домашние задания». Помимо создания прозных рассказов, Толстой увлекся драматургией, сочинил пьесу «Дочь колдуна и заколдованный королевич» (1909) для театрального кабаре «Лукоморье» Всеволода Мейерхольда. Если не учитывать стихи, написанные на фольклорном материале, то этот небольшой текст, издававшийся при жизни автора всего один раз, можно считать первым обращением Толстого к фантастике, правда пока к сказочной.

Интерес к фольклору и романтической традиции привел к появлению сборника «Сорочки сказки» (1910) и трех мистических рассказов о русалках: «Неугомонное сердце» (1910), «Терентий Генералов» (1911), «Пастух и Маринка» (1911). Однако широкую известность в то время Толстой-прозаик получает все-таки как реалист, описывающий провинциальный помещичий быт.

В начале 1916 года в составе делегации писателей и военных корреспондентов Алексей Толстой посетил Англию, которая, как известно, была союзницей России в Первой мировой войне. В марте он, Владимир Набоков и Корней Чуковский встретились с Гербертом Уэллсом. Знакомство с великим визионером произвело на молодого прозаика огромное впечатление: он увидел человека, который в своем творчестве умудрялся элегантно соединять оригинальные фантастические допущения, остросюжетное повествование, научную популяризацию, дерзкую футурологию и глубокую философию. При этом Уэллс был признанным авторитетом, к его словам прислушивались политики и общество.

После этой встречи Толстой, вероятно, задумывается о том, чтобы попробовать себя в жанре научной фантастики. Ведь у него есть очевидное преимущество перед другими литераторами: он имеет качественное инженерное образование, поэтому может осознанно использовать идеи и теории, которые генерирует современная ему наука, для создания соответствующих сюжетов. Еще в 1915 году он начал работу над романом «Свет уединенный» и писал жене: *«Я понял, что должно быть в нашем романе, — нужно, чтобы у Егора Ив[ановича], знающего, как медик, человека со всех*

сторон, возникла идея о новом изучении психики (души) при помощи физических приборов и логики (такой прибор нужно придумать). Е[гор] И[ванович] повсюду натывает на иррациональность и считает ее лишь несовершенством нашего сознания. На приборе своем он срывается и сам попадает в ловушку. Срыв же Е[гора] И[вановича] состоит в том, что при помощи своего прибора он математически определяет, что ему нужно Варвару Н[иколаевну] убить». К сожалению, многообещающий замысел так и не был реализован — в результате у Толстого получился роман «Егор Абозов» (1915) о петербургской творческой интеллигенции с элементами сатиры. Решение писать фантастику окончательно созрело только в начале 1920-х годов, и поводом к тому стали революционные события.

Алексей Толстой сначала не принял власть большевиков и даже ополчился на нее. В августе 1918 года он бежал с семьей от революционного хаоса сначала в Харьков, потом в Одессу, потом еще дальше — в Константинополь и Париж. Поздней осенью 1921 года семья писателя переехала в Берлин. К тому времени среди эмигрантов назрел раскол по вопросу отношения к советской власти: окончание Гражданской войны и введение НЭПа указывали на то, что политика большевиков меняется, они начинают масштабное государственное строительство, в котором могут участвовать патриоты России при условии отказа от враждебности и контрреволюционных идей. Своего рода рубежом стал выход публицистического сборника «Смена вех», общей идеей которого была мысль о необходимости примирения с Советами ради сохранения единства и укрепления мощи российского государства. По названию сборника возникло движение «сменовеховцев», к которому примкнул и Толстой. Ему предложили должность редактора «Литературного приложения» к газете «Накануне», финансируемой Москвой, а после того, как Алексей Николаевич согласился, эмигрантский Союз русских писателей и журналистов исключил его из своих рядов.

Толстой понимал, что оставаться «над схваткой» у него не получится. Если он выбрал стратегию сотрудничества

с большевиками, то ему раньше или позже придется возвращаться на Родину. Однако он собирался вернуться не просто так, а с чем-то необычным — революционным и для него и для литературы. Толстой подумывал о том, чтобы написать авантюрно-приключенческий роман «с привидениями, с подземельями, с зарытыми кладами, со всякой чертовщиной». Но что в этом нового?

Концепция революционного романа созрела внезапно. В ноябре 1921 года в Берлине появился поэт Андрей Белый, который хотя и дистанцировался от «Накануне», приравнивая попытки поставить белоэмигрантов на службу советской власти к созданию «гомункулуса», но сотрудничал со многими «сменовеховцами». Белый выступал с лекциями о текущем положении в России, на которых рассказывал о разрухе, нищете и голоде, однако всегда подчеркивал, что при всех творящихся ужасах там происходит небывалый духовный подъем. Примечательно, что свои лекции он адресовал не столько эмигрантам, сколько сторонникам антропософии — религиозно-мистического учения, выделившегося из теософии в 1912 году благодаря австрийскому философу Рудольфу Штайнеру. Андрей Белый и сам был антропософом, посвящая этому учению значительную часть своей поэзии и буквально персонифицируя его доктрины. 5 марта 1922 года газета «Голос России» опубликовала статью Белого «О духе России и о «духе» в России», в которой тот просуммировал соображения, излагаемые в лекциях:

«Сознание русских в России — расширено. <...>Все во мне; и я — во всем... Так узнание, что коллектив — индивидуум, что индивидуум — в коллективе и что границы обычного, личного, собственнического сознания — фикция, все то складывает — космическое сознание России; но о сознании этом сказать здесь — решительно утверждать, что каналы на Марсе — произведение марсиан («Но позвольте, ученые до сих пор еще спорят». — «Ученые не были там, а я — был...»). Так же дики мои утверждения: солдаты, матросы, рабочие вместе с доцентами там обсуждают проблемы культуры, сознания, мысли; с востока на запад и с

севера к югу стоит соловьиное пенье поэтов, как будто бы стала Россия весенним ласкающим садом, а не гниющим, воняющим кладбищем. Вот ведь вопрос, почему там поется. А здесь не поется...»

В этом коротком фрагменте содержится целый комплекс идей, которые легли в основу романа Алексея Толстого: космизм, отождествление России и Марса, упоминание о воображаемом путешествии на Марс, уравнивание солдата и ученого в диспутах о высоких материях, уверенность, что даже на руинах — может быть, только на руинах! — старого мира рождаются новые смыслы.

Конечно, одной статьи Белого было явно недостаточно для создания большого и полнокровного текста, однако Толстой использовал не только ее, а все, что узнал к тому времени по теме. Окультиное предание об Атлантиде он почерпнул из теософских и антропософских журналов, бесед с Николаем Гумилевым и Максимилианом Волошиным; концепцию полета на Марс в реактивном корабле и образ умирающей древней планеты ему подбросил Валерий Брюсов; подробности о гипотетической марсианской жизни он мог взять из научно-популярной литературы и фантастики: например, из романа Веры Крыжановской-Рочестер «На соседней планете» (1903).

Работа шла быстро. Корней Чуковский, составлявший детский альманах «Носорог», обратился к Толстому с просьбой дать в номер какую-нибудь поучительную сказку и в начале октября 1922 года получил ответ: *«Рассказ для «Носорога» я уже начал писать. Окончу его через неделю. Мне приходится писать его урывками по вечерам, так как все остальное время я спешно кончаю роман («Аэлита» — закат Марса). Аэлита — имя очень хорошенькой и странной женщины. Роман уже переводится на немецкий».*

Получается, что от возникновения идеи до завершения романа прошло около полугода — вполне достаточный срок. Первая версия «Аэлиты» появилась в советском литературном журнале «Красная новь», № 6 за 1922 год; продолжения печатались в №№ 1 и 2 за 1923 год. Почти сразу вышли и два книжных издания: в Москве и Берлине.

Между этими тремя изданиями очень мало различий, но они есть. Например, в журнальном варианте, в главе «Бессонная ночь», дважды встречается фраза «На земле нет пощады», а уже в книжных текстах 1923 года она отсутствует в каких-либо формах. Главное расхождение — обе советские версии имели подзаголовок «Закат Марса» (с намеком на философский труд «Закат Европы» Освальда Шпенглера, впервые опубликованный в 1918 году и очень популярный), которого нет в берлинской книге; впоследствии он был вообще снят автором.

Таким образом, три текста 1922–1923 годов можно считать одной версией. И она довольно сильно отличается от «Аэлиты», которая известна современному читателю и которая появилась как результат последней авторской правки 1938 года и с тех пор неоднократно переиздавалась, в том числе в собраниях сочинений Алексея Толстого. Однако до того было еще несколько промежуточных правок.

Редактура велась по нескольким направлениям.

Первое направление — реагирование на изменения политической конъюнктуры. Например, из главы «Марс» автор удалил целый кусок, характеризовавший надежды инженера Лося на лучшее будущее: *«И школьники учат: — сто лет тому назад вся Европа была потрясена войнами и революциями. Столицы мира погибли в анархии. Никто ни во что и ничему не верил. Земля еще не видела подобных бедствий. Но вот, в каждой стране стало собираться ядро мужественных и суровых людей, они называли себя «Справедливыми». Они овладели властью, и стали строить мир на иных, новых законах — справедливости, милосердия и законности желания счастья, — это, в особенности, важно, Алексей Иванович: — счастье. А ведь все это так и будет, когда-нибудь...»* Причиной удаления фрагмента, вероятно, стал приход к власти фашиствующих режимов, которые могли ассоциироваться у читателя 1930-х годов с «мужественными и суровыми людьми», называющими себя «Справедливыми».

Вообще говоря, заметно, как в поздних версиях Толстой подчистил какие-либо иные мотивы Лося, заставившие по-

кинуть Землю, кроме отчаяния, вызванного смертью жены. К примеру, из главы «Отлет» исключена фраза: *«Земля отравлена ненавистью, залита кровью. Недолго ждать, когда пошатнется даже разум, — единственные цепи на этом чудовище»*. Или в главе «На лестнице» после слов Лося «...жизнь для меня стала ужасна» первоначально стояло: *«Я остался один, сам с собой. Не было силы побороть отчаяние, не было охоты жить. Нужно много мужества, чтобы жить, так на земле все отравлено ненавистью»*. В главе «Бессонная ночь» между словами «Лось долго стоял в воротах» и «Под утро Лось положил...» располагался первоначально большой яркий фрагмент:

«...прислонясь к верее плечом и головой. Кровяным, то синим, то алмазным светом переливался Марс — высоко над спящим Петербургом, над простреленными крышами, над холодными трубами, над закопченными потолками комнат и комнаток, покинутых зал, пустых дворцов, над тревожными изголовьями усталых людей.

«Нет, там будет легче, — думал Лось, — уйти от теней, отгородиться миллионами верст. Вот так же, ночью, глядеть на звезду и знать: это плывет между звезд покинутая мною земля. Покинуты пригорок и коршуны. Покинута ее могила, крест над могилой, покинуты темные ночи, ветер, поющий о смерти, только о смерти. Осенний ветер над Катей, лежащей в земле, под крестом. Нет, жить нельзя среди теней. Пусть там будет лютое одиночество, — уйти из этого мира, быть одному...»

Но тени не отступали от него всю ночь».

А вот причины, побудившие Лося участвовать в восстании марсиан, наоборот, в ранней версии были не политическими, а отчетливо личными: в самый острый момент (глава «Лось летит на помощь Гусеву») у инженера *«в ушах пело: «К тебе, к тебе, через огонь и борьбу, мимо звезд, мимо смерти, к тебе, любовь»*.

Второе направление — устранение религиозной символики и атрибутики. Инженер Лось в раннем варианте верил в Бога и свое стремление к побегу с Земли характеризовал как «духовное заболевание». *«Быть может, этот красно-*

ватый шарик Земли — лишь живое, плотское сердце великого Духа, раскинутое в тысячелетиях», а он сам «своей безумной волей оторвался от Духа» и «вот, как унылый бес, презренный и проклятый, один сидит на пустыре» — из этого пассажа убран был «великий Дух» и заменен «родной», а вместо «унылого беса» Толстой поставил «унылый пес», без других эпитетов. Соответственно, была значительно вычищена и всякая мистика, связанная с историей Атлантиды. Магацитлы пользовались для движения своих летательных аппаратов «растительной силой семян», что было изменено на «силой распада материи». В ранней версии в Атлантиде правят «иерофанты», но этот термин автор в дальнейшем уберет, используя вместо него «сыны Аама». Их потомки выглядят настоящими магами. «Они знали Высшую Мудрость, но употребляли ее во зло, потому что были злы». «Они призвали на помощь стихии природы. Началась буря, задрожали горы и равнины, выступил из берегов южный океан. Молнии падали с неба. Деревья и камни носились по воздуху, и громче грома раздавались голоса Магацитлов, читавших заклинания. Аолы гибли, как трава от снежной бури. Пришельцы поражали их мечами и наводили помрачения: войска Аолов сражались между собой, принимая друг друга за врагов». «Многие тогда видели призрак: на закате солнца поднималась из-за края тумы тень человека, — ноги его были расставлены, руки раскинуты, волосы на голове, как пламя». В поздних версиях все это превратилось в фигуры речи.

Третье направление — сокращение наиболее явных признаков послереволюционной нищеты. Так, в сцене запуска межпланетного аппарата разговор между зеваками включал следующий характерный обмен мнениями:

- «— Да — ситец сейчас будут выдавать.
- Какой ситец, по сколько?»
- По восьми вершков на рыло.
- Ах, сволочи. На дьявол мне восемь вершков, — на мне рубашка сгнила, третий месяц хожу голый. <... >
- Слушайте, — с утра английский фунт упал.
- Что вы говорите?

— Вот вам, — ну. Вон — в крайнем доме, в воротах, один человек, — щека у него подвязана, — фунты ни по чем продает.

— Тряпье он продает из Козьмодемьянска, три вагона, — накладную».

Там же Толстой избавился и от некоторых натуралистических штрихов, показавшихся слишком грубыми: например, вместо *«Извините, сейчас один тут говорит: — 25 пудов погрузили они одной агитационной литературы и два пуда кокаину»* осталась только «агитационная литература».

Четвертое направление — упрощение образа красноармейца Гусева. В ранней версии тот был грубее и колоритнее: например, после прилета на Землю он *«продал камушки и золотые безделушки, привезенные с Марса, — нарядил жену Машу, как куклу, дал несколько сот интервью, завел себе собаку, огромный сундук для одежды и мотоциклет, стал носить круглые очки, проигрался на скачках, одно время разбегжал с импресарио по Америке и Европе, рассказывая про драки с марсианами, про пауков и про кометы, про то, как они с Лосем едва не улетели на Большую Медведицу, — изолгался вконец, заскучал, и, вернувшись в Россию, основал «Ограниченное Капиталом Акционерное Общество для Переброски Воинской Части на Планету Марс в Целях Спасения Остатков его Трудового Населения»...»*

Пятое направление — чистка упоминаний о НЭПе, реалии которого в 1930-х годах потеряли содержательность. В ранней версии Петербург (Петроградом бывшую столицу Толстой тогда еще не называл), куда герои попадают в финале, охарактеризован как обновленный город, заполненный всевозможной рекламой: *«Миновали мост, Васильевский остров, пролетели Николаевским мостом над снежной пустыней Невы, — отсюда было видно лиловое зарево города, сияние фонарей над мрачной набережной, направо — огни заводов. Вдали исступленно выла сирена ледокола, где-то ломающего льды. Миновали многолюдный Невский, залитый светом тысячи окон, огненных букв, стрел, крутящихся колес над крышами».*